

САПОЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ ХАРЧЕНКО

Комсорг батальона стрелкового полка 59-й армии.

Родился в 1923 году.

Украинец. Член ВЛКСМ.

В тот день в просторной, жарко натопленной избе, где расположился хозвзвод, дым стоял коромыслом, было весело и шумно. Так бывало всегда и везде, куда попадал Семен Лопухов, ладный и ловкий парень, лучший пулеметчик полка, гармонист и балагур.

До его прихода здесь было тихо и спокойно. Солдаты хозвзвода занимались своими повседневными делами: латали сапоги и валенки, давали мелкий ремонт стрелковому оружию. Помкомвзвода пожилой сержант Еремеев вел чинную беседу со стариком хозяином. Тут-то и ввалился сержант Лопухов в сопровождении своего второго номера. Прямо с порога Семен растянул гармонь и завел: «Валенки... валенки, да не подшиты, стареньки...» со всеми модуляциями голоса и, казалось бы, неповторимыми интонациями Лидии Андреевны Руслановой. Но вскоре оборвал песню.

— Привет героям шила и иглы! Я к вам с трубкой мира! Навались, орлы!

Щегольским жестом Семен достал кисет. Хозвзвод загалдел. Десятки рук потянулись за табачком. Все предвкушали удовольствие и от смачной козьей ножки, и от какого-нибудь представления, которое, конечно же, должно последовать. Один только Еремеев насутился.

— Зачем пожаловал, сержант Лопухов? Почто народ от дела отрываете? — проговорил он, кругло по-вологодски окая.

— Да про охоту, про охоту с тобой, товарищ Еремеев, поговорить пришел, — тут же в точности скопировал его говор Семен.

Присутствующие покатались с хохоту.

Еремеев побагровел. Здесь был замешан давнишний спор между двумя сержантами. Тогда, так же как и сейчас, полк получил короткую передышку. Отогрелись бойцы, выпались. Ну и потянуло на всякие тары-бары-рас-табары: кто во что горазд. И надо ж было такому случиться, что солидный, благообразный Еремеев тоже не удержался. Такого про свои охотничьи похождения вдруг наговорил, что едва кончил, так и сам диву дался. «Что ж это я?» — про себя с ужасом подумал. Ну да слово-то не воробей. Посмотрел вокруг: чешут ребята в затылках, однако ничего — помалкивают. Один нашелся...

— Так-таки и сразил двух коз последней пулей? А, Степаныч?

Тут бы рассмеяться Степану, мол, и приврать нельзя... Ан нет. В бутылку полез. А Лопухов Сенька — это был, конечно, он — знай потешается: «Во дает старик. Во лапшу на уши навешивает!» Слово за слово... Заспорили сержанты, кто кого «перестреляет». Из винтовки пробовали, из карабина — все не светит Еремееву. Долго так продолжалось, наконец Еремеев нашел чем отмахнуться от назойливого пулеметчика. «Ты, — говорит, — точно, лучше меня стреляешь из стрелкового оружия. Так и должно быть: ты ведь пулеметчик. Но вот ежели б нам с тобой из тулочки-курковочки по тарелочкам пострелять, а еще вернее вместе на охоту сходить, хотя бы у меня на родине, в Пошехонии, тут бы ты и увидел, что такое настоящий стрелок». — «Ну и ну», — ответил Семен и на время отстал. Как оказалось, однако, только на время...

— Ну-ка, Миша, — обратился Лопухов к своему второму номеру, — достань, голубчик, наш подарок для Николая Степаныча.

Через секунду в руках Семена блеснули вороненые стволы, а потом и ладный приклад. Одним сноровистым движением с щегольским щелчком Семен собрал великолепную тульскую двустволку. Хоззввод ахнул. На Степаныча жалко было смотреть...

Соревнование было коротким. Лишь одна дробица после выстрела сержанта хоззвода продырявила шапку-ушанку, которая служила «тарелкой» и пускалась из-за сарая все тем же Мишей. Семен же попал все шесть раз...

С края деревни, где проходило соревнование двух сержантов, хоззвод, в полном составе присутствовавший на нем и болевший за своего Степаныча, потянулся восвояси. Пулеметчики тоже повернули было к себе в батальон. И тут...

— Товарищ сержант, разрешите обратиться?

Перед Лопуховым стоял один из солдат хоззвода, совсем юный неказистый паренек.

— Валяй, служивый.

— У вас, я вижу, патроны еще остались. Не хотите со мной пострелять?

— А что радости с того?

— Да хоть об клад.

— Что с тебя?

— Если проиграю, обязуюсь в два дня сшить вам хромочи. Материал есть.

— Нравится мне это «если». Материал, говоришь, есть... Ну а руки-то есть хромочи сшить?

— Об этом не беспокойтесь.

— А-а, постой, постой. Ты, видно, этот, как его, Харченко... Слышал, можешь иглой шевелить. Ну, идет. Хромочей мне сейчас не надо... К лету сошьешь, а вот валенки чтоб сейчас заделал. Только имей в виду: влет по тарелочкам бить, это тебе не иглой шуровать...

Миша снова стал за сараем, предварительно отметив старые пробоины на шапке, валенке, легком полене — на всем том, что служило стрелкам «тарелочками».

— Что, служивый, ты первый стрелять будешь или мне начать?

— Да начинайте, товарищ сержант, я потом. Только...

— Что только?..

— Дистанцию увеличить надо бы... А то неудобно как-то: лучший пулеметчик полка и вдруг всего с тридцати метров по целой шапке бьет...

— Ишь ты... Ну давай.

Лопухов сделал свои шесть выстрелов и, хотя попал всего два раза, результатом был

доволен — дистанция-то, не шутка, метров шестьдесят, а «тарелочка» лишь на несколько секунд над сараем показывается.

— Ну, маэстро, чтоб валенки мне были первый сорт. Скоро бои начнутся, понял?

И вот на рубеж вышел солдат хоззвода Федя Харченко. Повернулся к Лопухову.

— А что ж вы, товарищ сержант, не спросили, с вас-то что, коли проиграете?

— Давай готовься.

Но готовиться Федя не стал, так и ждал «тарелочки» с опущенным в одной правой руке ружьем. Как только она показалась над сараем, Федя мгновенно вскинул ружье и...

— Что с меня, товарищ Харченко? Проси что хочешь!

— Ничего не надо... Разве... Не надо больше Николая Степаныча нашего дразнить. Переживает он...

Прошло несколько дней. В полку уже знали, что вот-вот снова начнутся тяжелые бои. Хоззводу работы было много. Дольше всех трудился Федя Харченко. И прежде все, до чего касались его искусные руки, выходило красивым и ладным, но то, из-за чего не спал он последние ночи, было и того лучше. В полку быстро прознали о сапожном шедевре Феди. Чего только не предлагали ему за сработанные валенки. Один старшина притащил даже трофейный патефон. Но ни зажигалки, ни финки, ни патефон с пластинками Федю не проняли. На уме у него было другое...

Однажды утром хоззвод заметил, что валенки с Фединогo рабочего места исчезли, а в полдень в избу, где работал Харченко, вошел сержант Лопухов и прямо к Феде:

— Ну, брат, руки у тебя, что и глаз! Я такой обувки век не носил. Спасибо, удружил. Завтра же в них в бой пойду. Только, знаешь, не о валенках нам с тобой поговорить надо. Пойдем-ка покурим на крыльцо.

Несколько раз затаившись, Семен сказал:

— Всю неделю не выходил ты, парень, у меня из головы. Слушай, разве в хоззводе твое место?

— Да я, товарищ сержант, уже два раза просился...

— Просился!.. Это на горшок в детском саду просятся. Что ты за солдат? Рапорт подай! Или, может, трусишь, вот и сидишь в хоззводе? Чего засверкал глазами? Да верю, верю, не трус ты. Молодой еще только, зеленый. Не видел ты еще по-настоящему фашистов. Но агитировать тебя я не собираюсь, совет дам. Уж больно ты жалостлив, как я узнал. Встанет перед тобой война, не жмурься, не отворачивайся. Посмотри на нее в упор...

В те дни похоронная команда не справля-

лась со своим скорбным делом, и ей в помощь дали хоззвод. «Вот она, война, — все время думал Федор, расстегивая полушубки, залезая в карманы окровавленных гимнастеров и доставая документы, заскорузлые фотографии, исписанные листочки погибших. Писем он не читал, но то и дело отдельные фразы мелькали перед глазами и оставались в памяти: «ты бы только остался жив», «Почтальона ждем и днем и ночью, а как покажется у крайнего прохоровского дома, не знаем, навстречу ли бежать, аль в погреб прятаться», «За сестру твою Клаву пусть не дрогнет твоя рука», «...и брат твой Женька, как его и твой батька в гражданскую, прямо из райкома комсомола отправился на фронт. Не мог сидеть он сложа руки, когда Родина в опасности».

— Вон на той высотке бой вчера был, — обратился вдруг сержант Еремеев к бойцам и показал на поросший кустами холм в полутора километрах от того места, где они находились, — а чей он сейчас — неизвестно. Надо разведать. Есть добровольцы?

— Разрешите мне, товарищ сержант.

— Давай, Харченко. Гранат пару возьми. Если есть кто там, живой ли, мертвый, флажком помаши.

Флажок и гранаты Федя рассовал по карманам, послал патрон в патронник своего карабина, поставил на предохранитель, сунул ноги в лыжи и зашагал к высотке. Чем ближе подходил к ней Федя, тем сильнее становилось его ощущение, что сейчас произойдет что-то такое, что перевернет все его представления о себе, всю его жизнь. Даже просидев в кустах минут десять, прислушиваясь и наблюдая, и убедившись, что на высоте никого нет, Федя тем не менее с удивлением обнаружил, что ощущение не только не пропало, но выросло в какую-то даже уверенность: именно здесь и именно сейчас. С трудом сдерживая волнение, цепляясь за ветки кустов, почти на четвереньках он стал подни-

маться по самому крутому склону холма. Наконец и вершина.

Первое, что он увидел прямо перед собой, были босые ноги, торчащие из окопа. Федя бросился вперед. Его всего трясло, ноги не слушались, и он упал на колени. Кое-как взяв себя в руки, Федя заглянул в окоп. Трупа было два. Оба изуродованы до неузнаваемости. В голове у Феди помутилось. Не в силах подняться на ноги, он отполз в сторону, уткнулся лицом в снег и затрясся в беззвучном плаче. Потом было забытье. Федор не знал, сколько прошло времени, когда услышал голоса, сначала неясные, потом все больше и больше различимые. Вскоре он понял, что говорят совсем рядом, почти над ним.

— Звери, настоящие звери... Таких ребят замучили.

— Крепко, видно, дал им Семен прикурить. Сутки, не меньше, он тут со своим Мишей держался. Дорвались все-таки до них гады.

— Эй, Вася, подними парнишку... Замерзнет.

Но Федор поднялся сам. Долго, не отрываясь, смотрел он на тела пулеметчиков. Снова увидел босые ноги Семена, вслух сказал:

— Приглянулась, значит, немцам моя работа. Так и запомним...

«...Папа! Пишу тебе перед боем. Я еще не полностью рассчитался с гадами и убил только 387 фрицев, но клянусь тебе, папа, пока бьется сердце, пока держат руки оружие, я буду бить гадов на каждом шагу. Я люблю свою Родину потому, что она меня воспитала. Я только начал жить, а эти гады-фашисты жить не дают. Вот почему я бью их. Если погибну, то погибну как герой, я умру со словами: «За Родину, за партию, за наш народ».

Это письмо написал перед своим последним боем под Лугой комсорг стрелкового батальона легендарный снайпер Федор Харченко.